

составителем хроники не в ее греческом оригинале, а в славянском переводе, и именно в том переводе, который дошел и до нас. Об этом заключаем из следующего обстоятельства: как в летописи (в «Речи философа»), так и в Краткой Палее читаем, что Иероваам, устроив два идола в виде золотых коров, поставил одну в Вефиле, а другую — «въ Енданѣ». В соответствующем месте библии читаем: в Дане, по-гречески ἐν Δάν. Между тем, то же ошибочное чтение «в Енданѣ», зависевшее от непонятого греческого ἐν Δάν, находим в славянском переводе Амартола: «створи бо кравь златѣ двѣ: единоу поставивъ в Вефилѣ, а 2-ю въ Енданѣ». Отсюда видно, что чтение «въ Енданѣ» попало и в летопись и в Краткую Палею из славянского перевода Амартола. Можно бы думать, что Амартолом воспользовались непосредственно и летописец и составитель Краткой Палеи. Но против этого говорит следующее соображение: во-первых, между «Речью философа» и Краткой Палеей есть ряд таких общих мест, которых нет в хронике Амартола (см. ниже); во-вторых, «Речь философа», как увидим ниже, содержалась уже в том древнем летописном своде, который предшествовал «Повести временных лет»; ср. наличие этой речи с Новгородской 1-й летописью по спискам второго младшего извода; между тем, нельзя доказать знакомства составителя этого летописного свода с хроникой Амартола; как увидим, он пользовался каким-то хронографом: из него он извлек сообщение о походе русских на Царьград при царе Михаиле и об Игоревом походе; этот последний поход был отнесен им на 6428 (920) г., вопреки «Повести временных лет», правильно заключившей из Амартола, что поход имел место в 6449 (941) г.; но на тот же год относит несчастный поход Руси, бывший при царе Романе, Краткая Палея.¹ Заключаю отсюда, что «Речь философа», представляя чтения из Амартола, пользовалась последним не непосредственно, а через посредство того самого хронографа, который лег в основание и Краткой Палеи: летописец (он же составитель «Речи философа») заимствовал из него как чтения «въ Енданѣ», так и определение 6428 годом похода Руси на Царьград; те же заимствования видим и в Краткой Палее.

Итак, вот основания, побуждающие меня, вопреки прежним моим предположениям, возвести текст «Речи философа» в первой ее части к хронографу. Возможно, что кроме хронографа летописец в этой части «Речи философа» пользовался и другими источниками, но вероятнее отвергнуть эту возможность в виду сравнительно небольшого объема указанной части, а также еще и того, что многие места в ней оказываются общими с Краткой Палеей, положившей в свое основание все тот же хронограф. Поэтому с большою уверенностью утверждаем, что весь текст «Речи философа» восходит к хронографу; отличие «Речи философа» от Краткой Палеи в значительной части случаев объясняется тем, что составитель Краткой Палеи имел в своем распоряжении не один хронограф, а еще много других источников. Сходство же «Речи философа» с хронографической компиляцией Новгородско-Софийской библиотеки, рассмотренною выше, объясняется тем, что послед-

¹ Сп. Срезн.: «В лѣто 6428 индикта іюня же мѣсяца в 10 день пришлоуша Русь на Костянтинь градъ въ ладіахъ 10 000» и т. д.